

ПРОРОК В СВОЁМ ОТЕЧЕСТВЕ

У каждого мгновения — свои колокола

■ ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ

Сегодня — первое двадцатое октября без Мустая Карима

Когда он еще от нас не ушел, мы все равно сознавали, что величие его таланта сполна оценится потом. И не особенно стремились выкинуть, что такому поэту чего-то может не хватать. И сам он против эпитета «великий» решительно протестовал, говорил: «Я в самом себе не заблудился. Великие — вот они, на полке «стоят»: Шекспир, Гете, Пушкин... Его корбило от громких, пафосных речей и не хватало простого искреннего признания, которого, разумеется, среди его читателей было немало. Но такие читатели просто не всегда имели возможность или решимость ему об этом сказать. И все равно у каждого из нас остались в памяти свой Мустай Карим и свои неповторимые мгновения общения с ним и его книгами.

К акто в очередной раз, когда было опубликовано в нашей газете его интервью, ближе к вечеру позвонила Мустафе Сафичу, с тем чтобы передать ему добрые отзывы, которые прозвучали на нашей планерке. В ответ на бойкий рапорт Мустай Карим тихо заметил: «Этот звонок первый. Больше никто не откликнулся...»

В ответ на суеверные заверения в том, что мало кто может осмелиться беспокоить народного поэта по этому поводу, он грустно согласился: «Наверное, думают, что Мустай Карим в этом не нуждается...»

Когда вышла в свет его книга «Мгновения жизни», автор робко выразил свою потребность в оценке этого литературного труда, сказал: «Мне это важно. С оценкой же возникла напряженность. Во-первых, собирая по писательскому чеху особенной отзывчивостью в подобных случаях отличаются не всегда. Во-вторых, оказалось, что книгу эту отыскать непросто. Отпечатана она была тиражом всего в три тысячи экземпляров, и продавцы книжных лавок (в которых в изобилии представлено озверевшее чтиво про бешеных пираний, издающееся миллионными тиражами), снисходительно поясняли: «Местными авторами не торгуем...»

Словом, опубликовали на первой странице письмо ветерана о бесценности «Мгновений жизни» — тем пока и ограничились, в надежде, что все успеется, хотя нетрудно было догадаться, что книга эта — своего рода завещание.

В части первой под названием «Чудеса» автор делится с читателем:

На одной из встреч со студентами Мустай Карим сказал: «Измена возможна только тогда, когда нет доверия. Верьте друг другу. Даже если в ком сомневайтесь. Пусть лучше вас обманут, но вы не обманывайте». Книга «Мгновения» — как раз пример доверия и верности — себе, своему времени, своему читателю. Неважно, какие события разворачиваются вокруг, плохие или хорошие люди встречаются на пути, самое главное — свое собственное, достойное ко всему отношение.

Народного поэта всегда отличало стремление к тому, чтобы все вокруг жила хорошо. На каждый телефонный звонок, который раздавался в его квартире, он откликался не просто голосом — душой. А нам всегда от него что-то было нужно: мудрого слова, комментария странных событий и колоссальных позиций. И он никогда не усложнял сам, говорил взвешенно, четко, спокойно. Иногда — отказывая. Если чувствовалось, что это, на его взгляд, необязательно. Словно дозировано собственное вмешательство в текущие события, чтобы не выглаживать истинной в последней инстанции. А ведь он таковой, если честно, как раз зачастую и был... И ему бесцеремонно называли, хорошо понимая, что лучше Мустая Карима не скажет никто. И никто, кроме него, не умел так деликатно отказать журналистам: «Я бы рад, но не имею душевного разрешения». Каждый раз приходилось испытывать волнение, невольность за принимаемое беспокойство, но стоило усмыслить в трубке его озорное, протяжное: «Алле-е-е...», вся хмурица души слетала без следа, становилась спокойной и тепло.

Мустай Карим всегда был дерзан в оценках, порой тонко ироничен и не скупился на похвалу, которую щедро выдавал «на вырост», хорошо понимая, сколь необходим любому человеку стимул к совершенству.

Когда мне впервые довелось переступить порог его квартиры, Мустафа Сафич поначалу был приветлив и... скупен. Чувствовалось, сколь утомили его бесконечные интервью. Он начал говорить заученно, будто

отвечал школьный урок. Потом расселился, стал шутить, причем — «для печати», что по любым временам для журналиста большая редкость. Когда разговор был закончен, хозяин тоном, не терпящим возражений, сказал: «Без чая — не отпущу!». И даже не позволил помочь его разлить. И еще подарил сборник стихов с веселой надписью: «Обаятельной Ирине от симпатичного Мустая». И процитировал при этом своего друга, известного дагестанского поэта Расула Гамзатова, который любил напомнить: «Раньше я был молодой и красивый, а теперь просто красивый».

Подобных добрых мгновений у тех, кому посчастливилось хоть самую малость лично общаться с Мустаем Каримом, я уверена, — несчетное количество. Что это, на его счету: муараго слова, комментарий странных событий и колоссальных позиций. И он никогда не усложнял сам, говорил взвешенно, четко, спокойно. Иногда — отказывая. Если чувствовалось, что это, на его взгляд, необязательно. Словно дозировано собственное вмешательство в текущие события, чтобы не выглаживать истинной в последней инстанции. А ведь он таковой, если честно, как раз зачастую и был... И ему бесцеремонно называли, хорошо понимая, что лучше Мустая Карима не скажет никто. И никто, кроме него, не умел так деликатно отказать журналистам: «Я бы рад, но не имею душевного разрешения». Каждый раз приходилось испытывать волнение, невольность за принимаемое беспокойство, но стоило усмыслить в трубке его озорное, протяжное: «Алле-е-е...», вся хмурица души слетала без следа, становилась спокойной и тепло.

Мустай Карим любил работать с утра. А я далеко за полночь засиживалась за интервью. Прочислась от телефонного звонка, трубку взяла муж, и слышу, как он меня «сдаст»: «Здравствуйте, Мустафа Сафич. Она спит еще...»

«Я с криком: «Давно не сплю!» — пулей лечу из постели к письменному столу (знаю, что он хочет сообщить правки), хватаю ручку, бумагу и телефонную трубку: «Я готов! Слушаю!»

«З-ээ! Нет, так не пойдет. Ты прежде приходишь, лицо у меня, няра-дия — я же все-таки ухажер».

Словом, вот так ненавязчиво в очередной раз убедилась: прежде чем за дело браться, чтобы оно гиблым не вышло, надо и себя, и мысли в порядок привести.

Както он позвонил из больницы, я решила поведать ему аналогичную историю болезни со счастливым концом.

Ирина НИКОЛЕНКО.

Философия свободы

Провидение распорядилось так, чтобы он стал поэтом

...в гробу поэт улыбался. Светлое его лицо ничуть не было омрачено ни мучкой агонии, ни следами скорбей и более долгой жизни. И от него словно шло тонкое сияние, особенно заметное в полумраке гостиной. Это было лицо человека, исполнившего все предначертания, заданные ему провидением, и потому благодарного жизни за ее полноту.

Преданному слушателю поэт доверительно говорил: «Если бы я погиб на войне в 1942 году, то не написал бы «Ответного письма башкирскому народу», — если б умер до февраля 1956 года, не написал бы ни баллады «В пору журавлиного прилета», ни пьесы «В ночь лунного затмения», — если б умер в начале 1970-х, не написал бы ни «Саавата...», ни «Прометей...», — если бы я умер в апреле 1985 года, то не написал бы повести «Помилуйте!»

Что за страхи и беды стояли за этими датами, можно, наверно, установить. Но важно прежде почувствовать, какой необыкновенной любовью пылало сердце поэта! На похоронах сын Мустая Карима писатель Илгиз Каримов читал строки из дневника отца. Самые глубокие переживания, занесенные поэтом в сокровенную тетрадь, принадлежали счастью любви.

«Не то, что мыслится, есть жизнь, а то, что любится...» — записывал поэт. (Цитирую, понятно, на слух).

■ НЕЗАБЫВАЕМОЕ

За ним оставалось последнее слово

Общение с Мустафой Сафичем оборачивалось уроками

Нередко на работе или в компании так или иначе разговор заходит о том, как мы сегодня живем, чувствуем себя в обновленной России и Башкортостане. И вполне естественно, что в оценках современности мы не бываем единодушны. Как в Государственной Думе, наше общество разделено на левых, правых, центристов. Порой до хрипоты пытаемся доказать друг другу свою правоту, но чаще всего — тщетно. И вдруг кто-то скажет: «А наш Мустай Карим по этому поводу сказал то-то и то-то». И удивительное дело — споры сразу умолкают, и все соглашаются с тем, что сказал Мустай. Сам не присутствуя при споре, он своим огромным авторитетом сразу всех успокаивает и примиряет.

В этих случаях я не перестаю удивляться житейской мудрости поэта. О трех уроках-беседах с Мустаем я и хочу рассказать читателям.

Урок 1. Русская литература

...Летом 2002 года я посетил Мустая Карима в больнице. Мы долго гуляли по дорожкам больницы, скверу, иногда сажались на садовую скамейку, потом снова гуляли. У меня накопилось много вопросов. Мустай Карим внимательно слушал и терпеливо отвечал, облекая мою душу... Потом разговор перекинулся на современную поэзию и литературу в целом.

«Каждый раз, когда речь заходит о поэзии, перед глазами встает образ Александра Сергеевича Пушкина, — начал Карим. — Мне почему-то всегда представляется такая картина: зима, Черная речка и смертельно раненный Пушкин, лежащий на белом снегу. И кровь его, алая кровь каплет

эпохи, словно провела моментальную съемку, а затем — вышла из времени и дала веку, будто отошедшему от него, свое собственное толкование. Особенно художественного творчества народного поэта стало органическое переплетение образа и припичка, искусства — с общественно-политической мыслью, социально-философским размышлением. А произведение, какие он причислял к наиболее значимым для него, — и баллада, и повесть, и трагедия — это подлинно философская поэзия. Ее стержень — образ мышления, который, безусловно, следует называть философией свободы.

В свое время мало кто понял смысла трагедии «Саават». Семь сноvidений сквозь знь». Концепция героя и героического в пьесе вызвала, по словам Мустая Карима, «в некоторых ученых кругах... неудовольствие». Общественность путалась трагедийного пафоса пьесы, признавая автора, всем временам и актуальной современности тоже. И поэт, словно желая объяснить с публикой, пишет своего Прометея, образ героического в современной действительности.

Созидательная энергия произведения опять возбуждена глубоко личным, сокровенным постижением общественной истории, на этот раз жестокого XX века, и вневлических социальных коллизий эпохи. Целостный художественный образ трагедии, изломанный

на поэтическом языке древних мифов, воспринимается как метафора социальных революций. Сопровождала журнальную публикацию пьесы обширный предисловием, поэт писал: «Наверное же, есть созвучие между волей древнего титана, пожертвовавшего собой ради счастья людей, и духом нашей эпохи, наших идеалами». Затем прямо соотносил своего героя с «огненностями Октября», первопроходцами коммунистического строительства. Когда же пьеса была поставлена, Мустай Карим вовсе признался, что писал Прометея с создателя Советского государства В. И. Ленина, призванного историей для того, чтобы, как говорит текст пьесы, «собрать разбитую вдребезги, расколотую Вселенную и выковать ее заново в совершенной красоте».

Слишком тяжким, пусть первопоходцем Порой их сопровождают лишь содвинутая совесть и вера в благодать грядущих поколений, а прозрит и мстит весь Вселенная. Творящая силу любви к человеку, развитой в произведении, противостоят грозные воплощения зла и ненависти. Мы распознаем их и в обитателях запертого Олимпа, и в насельниках земного болота: это социальный гнет и социальная демагогия, война и преступления против человечности, соблазны «сладой жизни» и агрессивная бездуховность... Оборотни узнавай себя в персонажах поэта. Ведь сатира более прозрачна, чем лирика.

— Об улучшении здоровья речи не идет, — ответил он. — Мы предпринимаем все меры, чтобы только продлить дни его жизни в этом мире...»

Мустай Карим замолчал. Было ясно: переживает, что не может спасти свою Раузу, любовь к которой пронес через всю жизнь. Его настроение передало и мне. Я уже стал сожалеть, что разбереди постоянно ноющую душевную рану. Но, перелив себя, Мустафа Сафич снова заговорил: «Представляете, порой она теряет память, не узнает своих близких. А порой говорит потрясающие вещи. Както на днях мы сидим с ней вдвоем, разговариваем. Вдруг она схватила мою руку, прижала к своему губам и прошептала: «Мустай, посовецуй, что мне делать? Мустай, я так люблю тебя и долго хочу любить...». Ну, что я мог ответить ей, что посоветовать, если и моя любовь не в силах ее спасти?..»

В середине декабря 2002 года Раузы-апы не стало. Но светлая память об этой удивительной женщине жива. Осталось в памяти и мужество человека, стойко пережившего потерю самого близкого и родного друга. Остается Большая Любовь поэта.

Урок 2. Философия любви

Я знал, что жена Мустафы Сафича тяжело больна. Вот и на этот раз, придя к нему домой, застал там врача. Поэт обрадовался встрече, но по выражению лица видно было, как тяжело он переживает болезнь супруги. Поздоровавшись, я спросил: «Мустафа Сафич, есть ли какое-то улучшение в здоровье Раузы-апы? Лицо моего собеседника еще более помрачнело.

Урок 3. Мужская дружба

19 января 2001 года общественность республики отмечала 85-летие

ской форме, без изощренных метафор и парабол — в повести «Помилуйте». Раствановка действующих лиц и противоборствующих сил в произведении Мустая Карима дает знать, как глубоко проник поэт в образ эпохи. Ключом, открывающим вход в пределы и проблемы духовного состояния века, была для него мысль о свободе, которая в его изображении была очерчена строгими границами: совестью и нравственным законом.

Он и сообщество людей делил на народ, носителя воли к свободе, и — чернь, партизанов произвола и вседозволенности. Поэтому Мустай Карим поначалу принял перестройку и демократические реформы с большим недоверием, которое усугублялось неизбывной болью за распад СССР. Толпа застолмила было перед ним процессы, которые народный поэт выстрадал сам нарване с самим народом. Боль осталась. Но сознание принадлежности его жизненного дела призванию человека быть свободным вселило в его душу покой и умиротворение, чувство исполненного долга — самое драгоценное чувство деятеля, приобщающего человека к престольному миру богов. Ведь он и умер с именем Бога на устах:

...С Богом в душе, с миром в семье и в народе. Суондук САЙТОВ.

Сердце Мустая

Отмеченный небесным даром, Он знал: у жизни есть предел, И даже часа не потратил даром, Наполнив светом добрых дел.

Беду он не делил на части, Народную — считал своей И теплоту сердечного участия Дарил тому, кому она нужней.

Досель такую мудрость не рождала, Как у него, башкирская земля. К себе забрали звезды аксакала, Ему путь к Богу славою стеля.

А для людей его осталось Слово, Осталось здесь и перейдет в века. И, как у Данко, оживит нам снова Мустая сердце книжная река.

Алла ДОКУЧАЕВА.

БЫЛЬ

Первый памятник

нашему великому земляку был воздвигнут мечетлинцами еще при его жизни

В середине восьмидесятых годов, когда Мечетлинский район крепко стал на ноги, руководители района решили воздвигнуть в селе Большеустьикинском памятник В. И. Ленину. С этой целью представители района выехали в Москву. Вскоре памятник из сплава меди с бронзой был отлит. Когда мечетлинцы приехали за заказом, то рядом увидели мраморный бюст Мустая Карима. Как он там оказался — никто не знал. Не долго думая, они уплатили за бюст и увезли с собой. Несмотря на существующий запрет ставить памятник живому человеку, в 1989 году у здания районной библиотеки был сооружен полуметровый постамент, на котором закрепили бюст улыбающегося народного поэта. Не рискуя оповестить вышестоящие власти, памятник торжественно открыли. Спустя несколько лет сам Мустай Карим с женой Раузой приехал отдохнуть в санаторий «Сосновый бор» (ныне «Карагай»). Тогда и решили открыть тайну. Говорят, что Мустай обошел все изображение со всех сторон, посмотрел и вблизи, и издали, пощупал и сказал: «Да и пусть стоит!»

Ризван ХАЖИЕВ.

С тех пор и стоит мраморный Мустай Карим на мечетлинской земле — первый памятник поэту в Башкортостане.

Михаил МИНЕЕВ.